

КОКОДИЛ

МОСКВА, АВГУСТ 1927 г.

№ 29

Цена 15 коп.

Рис. К. Ротова

Д/К 3 3/23

НЕОБХОДИМАЯ ВОЛОКИТА

(„НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ“)

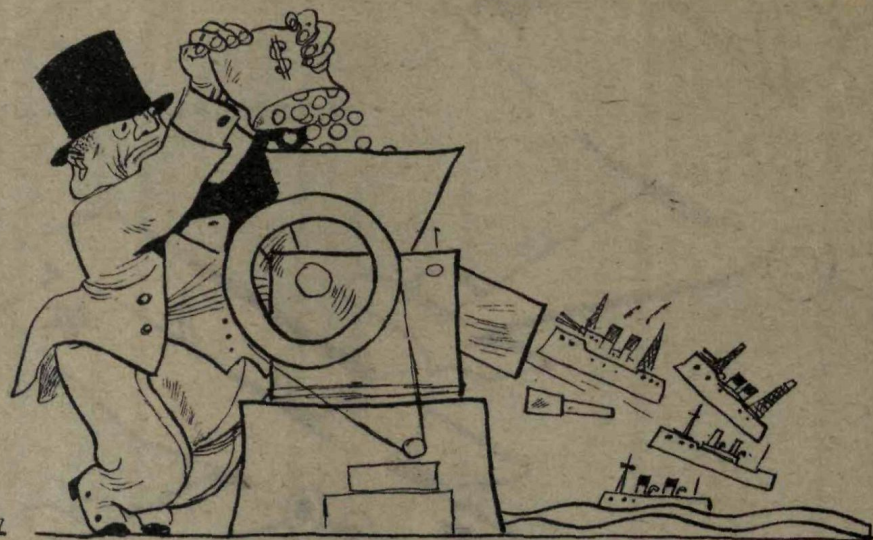

ЧЕМБЕРЛЕН: Неужели нельзя было ответить по-человечески?

Рис. Ю. Ганфа

Раньше алхимики пытались железо превратить в золото.

А теперь не-алхимики без всяких затруднений превращают золото в железо.

ПРОИСШЕСТВИЕ С УКЛОНОМ

Было жарко. На ночь я начитался статей и докладов объединенной оппозиции. Утром мне стало как-то не по себе и я разбудил жену:

— Нехорошо мне чтой-то, Маруся. Полевание у меня начинается. Нудно мне почему-то, Марусенька!

— Сам ты нудный, оттого и нудно тебе,—сказала жена.—Лег бы на правый бок, да и спал бы...

— Не могу я на правый. И спать не хочу. Что-то сделать надо, Марусенька!

— Чего ещё сделать?

— Уж и не знаю... Не то против Цека пойти, не то кваску выпить холодненького... Маруся-я!!..

— Тьфу! Спи, говорю!

— Выспался я. И Каутского во сне видел. А сейчас вот левою и левою! Как быть-то, Марусенька?

— Воды выпей, поди. Нагляделся во сне на пакость, вот тебя и мутит.

— Какая ж пакость, Маруся? Каутский — он приятный такой старичок, левый... О-ох!..

— Охаеть-то чего?

— В левый бок стрельнуло. А правого и не чувствую вовсе. Отнялся, должно быть.

Жена подошла ко мне, пощупала мне голову и внесла предложение:

— Может, в больницу тебя отправить? А? Если вправду-то болен...

— Ну, ты уж сейчас же с орг-выводами!—обиделся я.—Все вы такие. Уж и полеветь нельзя человеку!

Жена вздохнула:

— Мученье с тобой! Говорила я тебе: отпуск надо взять, в деревню поехать...

— Не могу я в деревню. Это кулацкий уклон у тебя, Марусенька! С деревню мне не по пути, в деревню нэлманы едут пускай... «Социалистического Вестничка» нету у нас?

— Зачем ему быть?

— Почитать бы... Потянуло меня чтой-то на левое. Я ведь такой!

— Какой?

— Вот я какой!

— Чего ж это тебя скрючило так? Живот, что ли, болит?

— Я революционную позу принял, а ты—«живот»!.. Конечно, при твоём буржуазном перерождении, где ж тебе понимать?.. И не скрючился я, а влево нагнулся. Крен у меня такой!

— Где-ж влево-то, когда вправо?..

— Почему ж вправо? Видишь, влево клонит меня!

— Тьфу!..

Жена плюнула, взяла меня за руку и сказала:

— Вот она, левая-то рука. Вот, с того боку, где сердце! А это—правая. Пора бы знать на десятом-то году революции! Вот она, левая-то где!..

— Эта?

— Не та же!

Я пожал плечами—и рассердился:

— Так бы сразу и сказала! А то будит человека, спать не дает, спорит, ссорится, тормозит... Минуты покою нету! Ну, и характерец!..

Грамен.

ДЕЛЬНЫЙ ПОДХОД

Долетело кудрявое словечко—рационализация. У нас аппарат, откровенно говоря, волокитный и разбухший, а должность моя, стыжусь даже назвать, до чего маленькая.

— Ну-кошь,—облился я холодным потом, — меня вдруг того... рационализируют.

Спасибо еще ему—холодному поту.

Иду я к сведущему товарищу-сослуживцу и спрашиваю:

— Куда Прокофий Семенович, то есть основное наше начальство, изволят поехать отдыхать?

— Изволят они поехать, — отозвался сведущий товарищ, — в Ессентуки, потому что, будучи расположены к полноте, похудеть интелесуются.

— А когда?

— В июле.

Лечу стремглав:

— Записывайте меня отпускным с июля.

— Может быть, желаете на курорт?

— Зачем на курорт, — открещиваюсь,—здоровый, как буйвол.

— Все-таки сходили бы к врачу, — советуют, — мало ли чего в печенках да в селезенках разных у себя не замечаете.

Чорта с два пошел я к врачу! Врач он не понимает никаких тонкостей, как загонит в противоположный моим мыслям курорт и почесывайся тогда.

Поехал я в Ессентуки. Прокофий Семенович раньше в экспрессе помчался, я-ж, согласно своей маленькой должности, в пассажирском полпелся.

Спасибо ему—холодному поту, что во-время облил он меня.

Переворот неожиданный и благостный.

На службе Прокофий Семенович только разве меня не тыкали, а в Ессентуках, встретивши среди чужедальних лиц, воскликнули весело:

— Ба, ба, ба, кого вижу! И вы здесь. Но почему здесь? У вас ведь комплекция поуже меры?

— Хотя и поуже, но мало ли чего в печенках да в селезенках разных не замечаем, — говорю и вру не мигая, — назначили доктора.

Скоро я вплотную приблизился к Прокофию Семеновичу, — вместе лазили на кавказскую гору Бештау, вместе... поверите ли: по плечу дружески хлопает.

Теперь я обе руки вздымаю за рационализацию, хотя замечаю—Ессентуки превращают меня в ужасного глиста.

С. Бакланов.

СТАРЫЙ ПОРТФЕЛЬ

(Подраж. Беранже)

Будь верен мне, приятель закадычный,
Мой друг портфель. Другого не хочу.
Уж десять лет, держа рукой привычной,
По службам всем тебя я волочу.
Ты весь потерт, но несмотря на это
Бумаг в тебе—не разобрать в три дня!..
Я—делопут усердный у Главмета...
Мой старый друг, не покидай меня!..

Твои углы изорваны немножко.
Смотря на них, люблю я вспоминать,
Как в «оны дни» и воблу и картошку
Любил в тебе со службы я таскать.
Однажды ты вдруг затрещал уныло,
Когда всадил я фунтов семь «коня»...
Жена тебя заштопала, зашила...
Мой старый друг, не покидай меня!..

Теперь-же мне дают кассира место.
Куда, признаться, метил я давно.
И скоро буду я из кассы треста
Таскать в тебе червонцы в казино.
А не удастся эта счастья проба,
Нас захлестнет судебная возня...
Так подожди, в тюрьму пойдем мы оба...
Мой старый друг, не покидай меня!..

Аргус.

ИЗ РЕЧИ БОЛГАРСКОГО ПРЕМЬЕРА

— Наша полиция настолько гуманна, что в очень жаркие дни пускает в ход холодное оружие!

Зашел как-то у нас разговор о том, что за последнее время профессиональный уровень работников прилавка значительно повысился.

Отмечали, что продавцы стали любезнее.

— Да, — сказал один из нас, — надо признаться, что и в этой области мы имеем несомненные достижения. Понемногу жизнь все-таки совершенствуется.

— Совершенствуется! — фыркнул насмешливо Иван Петрович, к которому все тотчас же и обернулись.

— Ну, а что? Это плохо, что ли, по-вашему? — спросили его.

— Ежели у вас, скажем, богатый ассортимент, — сказал тот, — пожалуйста! Будьте любезны сколько вашей душе угодно! Не возражаю! Никому это вреда не причинит, ежели приказчик, например, заявит: «Простите, гражданин, в клеточку такого сорта не найдется, а в полосочку могу предложить». Ну, а ежели приказчик скажет вам, в виду своей любезности, что де — «Простите, гражданин, отрезов на брюки сейчас не имеем, а вот колесной мази не угодно ли?». Хорошо это? По-моему не хорошо, а вредно и даже опасно-с!

— Что за чушь! — раздалось восклицания. — Что вы там такое придумали? Уж больно это невероятно! И что тут опасного?

Иван Петрович вскочил со своего стула, покрылся красными пятнами и рассказал:

— Я человек слабохарактерный и сознаюсь в этом. Слабохарактерен я! Убедить меня в чем угодно — ничего не стоит. Я знаю, что есть люди, которые даже в довоенное время, даже в частных магазинах покупали то, что они наметили приобрести, ну а я... я всегда покупал то, что хотел мне продать приказчик. Октябрьская революция, с этой точки зрения, была для меня освобождением. Да-с! Зайдешь бывало в госмагазин:

— Ботинки мужские есть?

— Нет!

Вздохнешь, выйдешь из магазина и на душе спокойствие. Обуви нет, а деньги целы. Да-с!

А вот на-днях... Зашел я на-днях в один кооперативчик, где профессиональный уровень, как вы изволили выразиться, поднялся.

— Нет ли у вас, — говорю, — того... этого... драпа, что ли?

— Драпа, простите, нет-с, а вот шевиотик — первый сорт-с!

И шлеп, шлеп на прилавок несколько кип. Однако все какие-то розовато-желтые. Только один кусок подходящий.

— Весьма рекомендую, — говорит приказчик, — чудный материал! Практично, не марко и вам к лицу-с...

Я, конечно, заколебался: «шевиот», думаю. Жена велела драпу купить... Но характера у меня, как уже сказано, нет.

— Что-ж, — говорю, — отрежьте, пожалуй...

Приказчик стал было мерять — четверти метра не хватает! Тут бы мне и уйти. И позора бы не было, и деньги бы целы... Так нет же! Приказчик-то ведь — «повышенный».

— К сожалению, — говорит, — шевиота больше не имеем, но осмелюсь предложить кашемир. Совершенно исключительный сорт! Старых запасов...

— Да нет, — отвечаю, — куда же мне... голубой... Мне же на верх... для шубы...

— Для шубы? — У приказчика даже лицо расцветало при этом известии. — Для тепла значит? Прекрасно! Фуфаечки теплые есть... пух-с! Настоящий пух! Не стесняйтесь! Извольте потрогать... Любую шубу заменит!.

И так это он убежденно сказал, что сразу закралось в меня сомнение. — «Взять?».

— Ну, что-ж, — говорю, — пож... пожалуй... Заверните фуфаечку. А не мала.

Смерили — мала. Однако приказчик, — и откуда он такой взялся? — не унывает:

— Можно-с заменить... Фуфаечек, правда, подходящих предложить не могу, но вот трусики спортивные...

— Да, нет же! Мне же для верху... Для тепла.

— Теплые же! — восклицает. — В том то и дело, что теплые! Да вы взгляните, не поленитесь... Верх вы потом прикроете! Сначала — низ, а потом уж и верх...

И шлеп, шлеп на прилавок трусики.

Пощупал я трусики.

— Что-ж, — говорю, — пож... пожал... дайте пожалуй... Только вот размер — как?

Смеряли — не подошел. Тогда — о ужас! — я согласился на холодные трусики. Оказались только красивые. Неудобно. А приказчик — о, что-б ему! — смотрит мне в глаза и уговаривает.

— Детские есть трусики... Сыночку бы взяли... Выкройка-с заграничная.

Одним словом, я очнулся только дома, когда жена спросила меня:

— Нашел? Купил?

— Куп... купил, — ответил я неуверенно и протянул ей малюсенький пакетик.

Иван Петрович весь зарделся при этом воспоминании.

— Совершенствуется! — снова фыркнул он. — Вы лучше научите как, ну, как мне надо было объяснить ей, решительной и энергичной женщине, весь тот психологический путь, который я должен был пройти по зсему составу ассортимента, для того, чтобы вместо покрыва на шубу, купить трусики своему трехлетнему мальчугану? Ну, как?

Иван Петрович кончил и ждал ответа. Но ответа не было. Было тихо.

В. Авилон.

ГОЛЛАНДСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Мода на переименования не только улиц, но и целых стран широко распространилась по всему миру. В № 2745 «Бедноты» напечатано такое грустное сообщение:

В Антверпенском порту (Голландия) произошел огромный пожар.

К сведению сотрудников «Бедноты»: если будете нанимать извозчика в Антверпен, то непременно предупреждайте, что раньше Голландия называлась Бельгией. А то они, извозчики, bestолковы и географию знают плохо!

ЯВНОЕ ПЕРЕУТОМЛЕНИЕ

«Челябинский Рабочий» в № от 26 июня ошарашил челябинцев таким сообщением:

Мининдел тов. Чичерин приступил к исполнению своих обязанностей после возвращения из отпуска.

Вполне понятно, что сотрудники «Рабочего» завидуют отдохнувшему тов. Чичерину. Они, очевидно, еще не были в отпуску, но даже и в состоянии полной обиделости обзывать человека министром не следует.

НАПРЯЖЕННАЯ РАБОТА

Ейские корреспонденты ростовского «Молота» заняты встречами прибывающих в Ейск высоких особ. В № 1756 «Молот» пишет:

ЕЙСК, (Наш корр.). Прибыла аппаратура для кварцевых ламп и токи высокого напряжения...

К сожалению, корреспондент не указывает, в какой именно гостинице остановились эти самые токи высокого напряжения.

ЗАГВОЗДКА

Рис. Ю. Ганфа

— Не знаю, как быть с этим луком? То ли детей седа лишить, то ли самому без закуски остаться...

Ю. ГАНФА

Рис. К. Ротова

ПУТЬ К ОТПУСКУ.

Вот уж 16 лет, как Елена Андреевна утром готовит завтрак, днем—обед, вечером—ужин. Сколько тарелок она перемыла за эти 16 лет! Сколько отбивных нажарила! Сколько киселя наварила! Зимой в городе—на плите, летом на даче—в русской печке и на примусе. И вся жизнь Елены Андреевны: утром—уборка кроватей, завтрак и бежать на базар; днем—обед, мытье посуды; вечером—ужин, опять уборка и спать.

В воскресенье—пирог. А в свободные часы штопать, чинить. И сейчас вот стоит Елена Андреевна у примуса раскрасневшаяся, потная. В правой руке замасленный нож. Примус шумит. И отбивные злобно шипят на черной сковородке.

Сегодня суббота, с пятничасовым придет муж с приятелем на воскресенье. Войдет. Крикнет:

— А ну-ка, Леночка, покажи свое искусство! И, причмокивая языком и потирая руки, скажет приятелю:

— Сейчас нас Ленуська такой ботвинькой накормит—все отдать не жалко!

— Как все это надоело, — думает Елена Андреевна. — Как опротивели эти кисели и окрошки, и эти слова: «Ничего подобного никогда не ел! Она у меня на этот счет гений!..» Кто я? Раба. Жаря у плиты, бегай по мясным лавкам, только и думай, что бы на завтра приготовить на второе, только и мысли, как бы не пережарить, как бы не пересолить! И так 16 лет! Будь они прокляты, эти годы!!

И с какой-то особой ненавистью думает она о своем муже:

— Ему что? «Леночка, что-то у нас давно не было жареных макарон. Хорошо бы сварить клубничное варенье». Ему что? Какое ему дело до меня? Сделал своей рабой,—и не пикни! Кроме кухни, ничего и не видишь. Кроме разговоров: «А какой у нас пирог сегодня был!»—ничего не слышишь. И есть противно. Все опротивело. Не желаю больше так...

Елена Андреевна грезит...

С пятничасовым приехал муж с приятелем. В портфелях у них бутылки.

— А ну-ка, Леночка, покажи свое искусство! И, причмокивая языком и потирая руки, говорит приятелю:

— Сейчас нас Ленуська такой ботвинькой накормит, что а-а, только держись!

— Напрасно надеетесь, Михаил Петрович, — говорит она, волнуясь, мужу.—Ничего я не готовила.

— Как так? Как так?! Ведь ты знала, что я и гостя привезу. Почему? В чем дело?

— А так, надоело мне 16 лет жарить, варить, парить! Надо-ело!—кричит она.—Надоели мне тарелки, примуса, мясо и прогорклое масло! К чорту! Не желаю!

И на пол летит стакан.

— Что с тобой?! Успокойся...

— Не желаю я быть твоей рабой! Конечно! Довольно!.. Сам готовь! Сам жарь! Запряг меня, как лошадь, ничего не вижу, кроме тарелок! «Леночка, покажи свое искусство!»... Ничего не слышу, кроме шума примуса. Не желаю! Не хочу так больше... Не хо-очу!..

— Елена Андреевна, Елена Андреевна, у вас отбивные горят! — вывела ее из раздумья соседка по даче.

И Елена Андреевна быстро очнулась и потушила примус...

А с пятничасовым приехал муж с приятелем, и, когда было подано второе, он заметил:

— Э-э, Леночка, почему это ты сегодня отбивные пережарила? А? Нехорошо, нехорошо...

И, обращаясь к гостю, прибавил:

— Вот уж 16 лет, как мы с ней живем, и это впервые такой печальный случай...

Елена Андреевна хотела что-то сказать, но поперхнулась и полились слезы.

Муж глянул, засмеялся и сказал нежно:

— Да я пошутил. Отбивные замечательные. Чудачка, ты гениально готовишь... Плачет... Что за глупости...

Елена Андреевна вскочила и убежала в другую комнату.

Муж жаловался гостю:

— Вечно эти женские капризы. Удивительно щепетильно относишься к своим кушаньям! Работаешь, работаешь, как вол, а приезжаешь домой, так даже порядком отдохнуть нельзя! Выпьем, что ли, еще по рюмочке? Эх-х, как мне это все надоело!

Б. Левин.

(Из цикла провинция)

Рис. И. Каликина

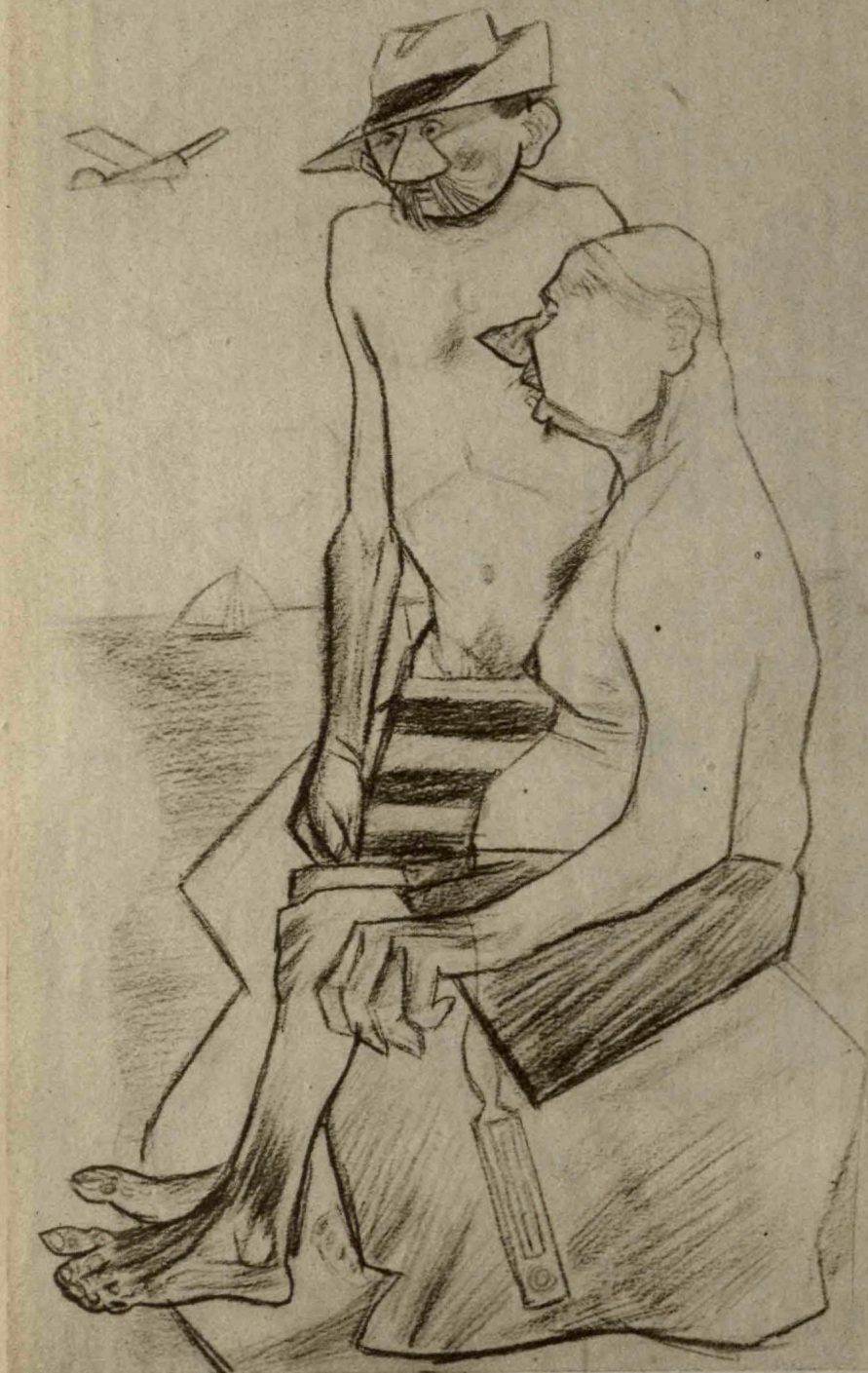
От ВИК'а до дома
Предволисполкома
Не будет и двух саженей.
С бумажкой—в минуту
Слетать делопуту.
Коль встретится что понужней,
Коль надобно преда
Покликать к обеду,—
Раз плюнуть. И наоборот,—
Чуть вышел и крикнул:
— Иди-ка, мол, в ВИК, мол!
Вернулся—а пред уж идет.
Но, следуя моде,
Решили на сходе
Изжить некультурный уклон,
И к ВИК'у от дома
Предволисполкома
Теперь провел телефон.
И—все изменилось!..
Скажите на милость,
Хороший такой аппарат,

А с первой минуты
Все дело запутал.
Ну, все изменил! В аккурат!
С ума или с дуру,
Почуяв культуру,
Испортился предисполком,
Ведь вот что скажи ты,—
Пошла волокита,
Как все равно в тресте каком!
Теперь, чтобы преда
Покликать с обеду,
Нельзя побежать на село.
Пока дозвонишься—
С устатку ложишься,
А он отвечает:—Алло!
И просит от зама
Телефограмму,
А иначе, мол, не приду.
Ох, брат, нелегко нам
Мы все с телефоном
В здоровую влипаи беду!

Вас. Лебедев-Кумач.

СПРАВКА ПО СУЩЕСТВУ

Рис. Ю. Гауфа

— Говорят, что Линдберг перелетел Атлантический океан без остановки.

— Интересно, какое учреждение выдало ему удостоверение в том, что он действительно не останавливался?

СОВЕТСКИЙ ТУРИЗМ

Туризм, то есть массовые и одиночные прогулки на дальние расстояния, предпринимаемые с целью изучить свою страну, можно только приветствовать, а организаторов подобных прогулок всячески поощрять и благодарить. Но...

В 1926 году группа рабочих, членов союза, заключила договор со стансоветом Темигорьевской станицы на работы по постройке электростанции. Работа была выполнена, но...

То есть, стансовет недоплатил 678 рублей. Рабочие обратились к инспектору труда. Инспектор труда предложил станицполкому доплатить, но...

Районный Петропавловский исполком ответил, что, по его мнению, расчет правилен, и дело было передано в трудсессию Армавирского округа. Судились три раза, три раза представители от рабочих выезжали в Армавир. Наконец, в мае сего года дело было решено, но...

Решение гласило, что дело ошибочно заслано в трудсессию и подлежит рассмотрению в Петропавловском РИК'е.

А при чем тут туризм, да еще советский?

Посчитайте, товарищи:

Из села Гулькевичи (место жительства рабочих) до станицы Темигорьевской—40 верст. Побывали в Темигорьевской трижды, туда и обратно—240 верст.

Из Темигорьевской до гор. Крапоткина—50 верст, побывали дважды, туда и обратно—200 верст. От Гулькевичей до Армавира—60 верст. Побывали трижды, туда и обратно—360 верст. Всего 800 верст, а на километры—того больше.

Задача для детей советского возраста:

Если даже Петропавловский РИК отдаст рабочим заработанные ими 678 рублей, то кто же вернет рабочим деньги за путешествия и какая награда причитается организаторам этих путешествий?

Вел.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Суровым воспитателем рабочих оказался зав. лесопилкой № 31 (Нерехта), А. В. Колесов. Вот, что он пишет Сидоровскому месткому:

Настоящим уведомляю, что Плетнев Авксентий на два дня был мною снят с работы за то, что, хотя и был раз предупрежден, вторично сходил на двор на места очищаемые. Убедительно просил бы местком при случае рабочим сделать должное внушение об использовании трудом 8-часового рабочего дня полностью и вести себя более прилично.

Нельзя же т. Колесов сходить с ума от того толёк, что рабочий сходил на двор!

БЕСЦЕЛЬНЫЙ ПРИКАЗ

Славгородский зампред исполкома, т. Карavaев, задумал объять необъятное и издал такой приказ:

1. Установить в пределах Славгородского округа нижеследующие хулиганские действия, подлежащие преследованию в административном порядке:

а) бесцельные, пугающие крики, свист, шум и брань в общественных местах,— на улицах, площадях, садах, клубах, театрах, кино, избачитальнях, собраниях, государственных учреждениях, заводах и фабриках, произношение циничных слов и пение, направленное к нарушению общественного спокойствия или нормального ночного отдыха;

б) учинение всякого рода надписей и рисунков на заборах, стенах зданий, лавочках, стульях и скамейках в садах, клубах, театрах;

в) приставание на улицах и в общественных местах к гражданам;

г) срывание лицами, на то не уполномоченными, объявлений, распоряжений, реклам и афиш со специально для этого отведенных мест, столбов и витрин.

д) бесцельная стрельба на улицах из ружей и пугачей, стук в двери, окна и звонки в квартиры.

2. Виновные в нарушении настоящего обязательного постановления подвергаются в административном порядке: в городе штрафу до 100 р. или принудработам до 1 месяца.

Сколь ни всеобъемлющ сей приказ, однако славгородцы сомневаются, в особенности насчет стука в двери и звонков. Хулиганы же торжествуют. Набьют кому-нибудь шею и говорят: «Это мы с целью! Бесцельно нельзя, а с целью можно!».

НА СОБРАНИИ ЧЛЕНОВ КООПЕРАТИВА

ПРЕД.: — Итак тщательно все взвесив, нужно отметить...

ГОЛОС ИЗ ПУБЛИКИ: — Врешь, сукин сын, у тебя всегда недовес.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК
САТИРЫ И ЮМОРА

„КРОКОДИЛ“

Издание „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“
В ЖУРНАЛЕ СОТРУДНИЧАЮТ ЛУЧШИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ЛИТЕРАТУРНО-
САТИРИЧЕСКИЕ СИЛЫ

Журнал печатается в несколько
красок на новых машинах
О Ф Ф С Е Т

Внутренние 4 страницы
печатаются по способу
М Е Ц Ц О - Т И Н Т О

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО В НОМЕРЕ:

фельетоны, стихи, пародии,
литературные мелочи, „ВИЛЫ
В БОК“, „АРХИВ КРОКОДИЛА“,
„НАШ ПАНОПТИКУМ“, муд-
рые мысли беспартийного
Савелия Октябрева.

Цена отд. №—15 коп. По подписке—55 коп. в месяц.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

МОСКВА, 18, СУЩЕВСКИЙ ВАЛ, ДОМ № 63, ГЛАВНАЯ
КОНТОРА „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“, И ТВЕРСКАЯ, 3.
В ПРОВИНЦИИ: во всех отделениях „Рабочей Га-
зеты“ и других центральных газет, а также во всех
почтово-телеграфных конторах.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Макс покровительственно похлопал меня по плечу и весело вскричал:—Безработный? Да чего же ты молчишь, чудак? Звякнул бы мне по телефону и все было бы устроено в один момент. Хорошо еще, что я тебя случайно встретил. Хочешь, позвоню сейчас Петрову или Смирнову? Впрочем, ты ведь претендуешь на скромную должность помощника бухгалтера. По пустякам не стоит и беспокоить. Знаешь что? Дам я тебе записку к Мишатникову. Директор Рогожтреста, мой большой приятель. Для меня сделает все, что угодно!

Мы зашли в ближайшую пивную. Макс вынул автоматическую ручку, изящный блок-нот и написал лаконическую записку:

«Дорогой товарищ Мишатников. Предъявитель сего—мой старый приятель. Дай ему место помбуга в твоём учреждении. Работник он золотой и сокращен по интригам. С товарищеским приветом любящий тебя Макс».

Окрылённый надеждой, я немедленно полетел в Рогожтрест. Директор Мишатников принял меня очень любезно прочитал записку, поморщил лоб, словно что-то припоминая, и закидал меня вопросами:

— Вы где раньше служили? Помбухом? Отлично! Рекомендации имеются? Превосходно! На бирже состоите? Очень хорошо! Идите к секретарю.

Он наложил резолюцию на моем заявлении, и я был принят на службу. Все пошло, как по маслу. Директор любезно раскланивался со мной при встречах, дружески шутил и всячески выказывал мне свое расположение. Благодаря его явному покровительству, сослуживцы взирали на меня с уважением и я уже мечтал о высокой должности главбуха.

Месяца через два ко мне на службу неожиданно явился Макс. Вид у бедняги был неважный. Когда-то блестящие «джимми» потускнели и их острые носы сморщились, пальто было основательно потерто, брюки украсились бахромой и вздувались шарами на коленях, а похудевшее лицо серело небритой щетиной.

— Что с тобой?—встревожился я.

— Сократили!—мрачно отозвался Макс, усаживаясь рядом за стол.—Понятно, по интригам. Два месяца без работы.

— Как же это так? Ведь у тебя такие связи!—удивился я.

— Связи?—горько усмехнулся он.—Что в них толку. Понимаешь, хамить не могу. За других хлопочу, в лепешку расшибусь. А за себя просить не умею. Характер у меня дьявольский. Шестнадцатилетнего малого директором завода устрою, полупрамотного курьера на должность заведующего отделом Наркомпроса поставлю, а для себя—пальцем не шевельну.

Он помолчал, вздохнул и, наклонившись ко мне, заметил:

— Послушай, нет ли у вас тут какого-нибудь местечка? Я на многое не претендую. Хотя бы должность младшего счетовода или конторщика пока...

Я уже раскрыл рот, чтобы посоветовать ему все-таки обратиться лично к его старому приятелю—нашему директору, но в этот момент из кабинета вышел сам товарищ Мишатников и направился ко мне.

— Будьте любезны, товарищ Попугаев, дайте мне срочно справочку. Насчет авансовых сумм, числящихся в текущем году за сотрудниками...

Вместо того, чтобы вскочить, как это полагается перед начальством, я молча застыл на стуле и ошеломленно поглядывал на Макса и на директора. Я ожидал, что они с радостными возгласами бросятся друг другу навстречу, но ничего подобного не произошло. Макс молча поклонился, а директор слегка кивнул ему головой. Наконец, я дал требуемую справку, и директор проследовал в свой кабинет.

— Макс,—заговорил я, подозрительно поглядывая на него.—Макс, что это значит?

— А ничего не значит,—хладнокровно отозвался Макс.—Ведь место ты по моей записке получил? Чего же ты еще от меня хочешь?

— Но, сознайся, все это очень странно...—растерянно пробормотал я.

— Ничего странного. Все дело в силе привычки и в знании человеческой психологии,—снисходительно усмехнулся Макс.—Ты нуждался в работе, и я решил тебе помочь. Я написал записку совершенно незнакомому мне человеку, справедливо полагая, что у него есть добрых две дюжины приятелей, из которых он многих даже и фамилий не помнит. Получил он мою записку, поморщил лоб и решил, что ее написал один из таковых. А как не испол-

нить просьбу приятеля? Сила привычки, ничего не поделаешь! Понял, в чем тут дело?

Я слушал молча и озадаченно смотрел на него. А Макс вдруг наклонился ко мне и зашептал:

— Послушай, директор Угольтреста, кажется, Букетов? Постой, у меня тут в блокноте выписаны из адрес-календаря фамилии всех ответственных работников. Так и есть — Букетов. Будь другом, черкни ему записку, чтобы он дал мне место счетовода. Авось, дело выгорит!

Н. А. Карпов.

★

Когда некто, отдававший ежегодно отчет 1233 учреждениям, однажды вернулся домой, жена спросила:

— Отдаешь ли ты себе отчет, насколько ты опоздал к обеду?

Некто не выдержал и умер.

★

— У вас цены снижены за счет промышленности или за счет прибыли?

— Пока только за счет потребителя.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

Рис. К. Хомзе

МАТЬ:—Смотри же, Ниночка, веди себя подобающе,—ты теперь уже не девушка, а личный секретарь.

РАБОЧИЕ ПИШУТ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

Конкурсный рис. А. Глаголева

(ПОЧТИ ПО РЕПИНУ)

ВИЛЫ В БОК

БЮРОКРАТЫ НАРЯЖАЮТСЯ

Наклонность к пышным титулам у нас изжигается туго. Полюбуйтесь, например, на такой официальный бланк:

Профессиональный союз
сельско-хозяйственных и лесовых ра-
бочих СССР
ПРАВЛЕНИЕ
Дагестанской Соц. Сов. Республики
г. Махач-Кала. Дворец труда.

«Правление Дагестанской С. С. Республики»
—не слишком ли сильно сказано!

ТЯЖЕЛОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Выручи, тов. «Крокодил», нас, работников пароходных почтовых бригад на Волге и Каме. Начальник Верхне-Волжского округа связи заключил такой договор с пароходством, что мы лишены возможности видеть своих жен во все время навигации.

Связист.

РЕЗОЛЮЦИЯ «КРОКОДИЛА»: Всякое дело у нас должно быть поставлено прочно. Вышеупомянутый же договор может привести к связи... мимолетной, что весьма нежелательно! Предлагаю начальнику округа связи таковую укрепить

ПРОПАЛИ десять кружков при клубе имени т. Артема, Ново-Экономический рудник (Донбасс). Особых примет не ищут, так как ни разу себя не проявили.

СЛОЖНЫЕ ТОВАРЫ

Наше Майнское 0-во Потребителей совершенствуется с каждым днем. Первого июля я купил в ларьке 0-ва колбасу и в ней обнаружил большой кусок другой недооженной колбасы вместе со шкуркой (при сем прилагаю). Винной порожней посуды почему-то не обнаружено. Очевидно, она попала другому покупателю.

Алтухов.

ОДОЕВЦЫ, КАЧАЙ!

Для чего у нас существуют вольно-пожарные 0-ва? Известно—для того, чтобы заливать.

Наше одоевское пожарное 0-во соблавили два ловчака, братья Сазоновы. На свои деньги открыли «Чайную и пивную с подачей крепких напитков В.П.О. г. Одоева» и теперь в этой «чайной» одоевцы «заливают» с утра до ночи, а братья Сазоновы и невнимательность соблюдают, как служащие, и капитал приобретают, как хозяева. А главное—при таких условиях прогореть им невозможно.

Одоевец

ВЕСЕЛЫЕ ЛЮДИ

Пушкинский дом Академии Наук обратился в Тверской губисполком с просьбой привести в порядок могилу Анны Керн—близкого друга великого поэта.

Управделами исполкома тов. Антонов ничего не нашел лучшего, как отправить эту просьбу... в «Крокодил». Тов. Антонов вероятно считает просьбу Академии очень смешной и прежде, чем отправить ее в «Крокодил», вероятно хохотал дня два. «Крокодил» тоже любит посмеяться, но в данном случае затрудняется—ему все это кажется довольно грустным. Впрочем, при письме тов. Антонова приложена курьезная записка: «Это отправление своевременно не было вам отослано из-за злоупотреблений курьера, у которого обнаружено свыше 300 неотправленных пакетов». Вот, она, где могила-то!

ПОПЕЧИТЕЛЬНОСТЬ

Наркомфин, как учреждение, обожающее точность, пишет в § 186 инструкции о сел.-хоз. налоге:

В графу 1-ю поселенного списка заносится порядковый номер дома хозяина. В каждом селении порядковая нумерация начинается с первого номера и т. д.

К сожалению, в инструкции не объяснено, что такое нумерация вообще и что первый номер в частности. Отчего бы этим не заняться на свободе?

1. Зав ОБРУШИЛСЯ на посетителя. 2. „УТРУСКИ“ в кооперации достигли необычайных размеров. 3. Кассир долго КОЛЕБАЛСЯ, но украл деньги. 4. Посуда легко ОТКРЫЛАСЬ ОТ ТОЛЧКА. 5. У ответработников исчезли УКЛОНЫ. 6. И только бюрократ хоть бы хны!

— А за каким номером? Кто разрешил? Есть ли справка из домкома?

Рис. Ю. Ганфа

— Теперь и ты, Дуняша, можешь послушать: музыку ты не поняла бы, а вот про осушение болот тебе, крестьянке, интересно будет.

ТОВ. ЯШТАЙКИН ОПЯТЬ У НАС!

Захлопотался «Крокодил» с конкурсами и совсем было забыл своего постоянного любимца, всем известного тов. Яштайкина. И тов. Яштайкин, представлявший для «Крокодила» своей особой первоклассный материал, тоже что-то притих. Теперь он уже не замаркома РКИ Чувашской республики, а управделами СНК той же республики, каковую мы и поздравляем.

Слава тов. Яштайкина уже однажды была связана с каким-то колодцем. К колодцам у тов. Яштайкина имеется роковая слабость. Недавно сотрудницы СНК подали тов. Яштайкину нечто вроде ноты-протеста:

В виду того, что вода на самовар берется из крана у раковины около уборной, и недавно одной из сотрудниц в чае попался волос и, кроме того, в городе наблюдается случаи заболевания дизентерией... просим вашего распоряжения воду для самовара брать из колодца.

Посмотрел тов. Яштайкин исподлобья на петицию и собственноручно начертал на ней резолюцию в собственном яштайкинском духе:

Категорически воспретить подачу чая из колодца!

Суров тов. Яштайкин, но справедлив! В республике трудящихся не должно быть места изнеженности нравов!

Родионич.

ТОЖЕ СПОСОБ

В Благовещенске завсадом «Динамо» придумал хитроумный способ расчета с рабочими. В своем донесении начальству он указывает такие сроки расчета:

Испытание отремонтированной крыши произвел водой, результат удовлетворительный, но уплату денег следует произвести только после дождя, так как дождь нельзя сравнить с простым поливанием из ведра. Крыжановский.

И выходит, что Крыжановский собирается уплатить рабочим только после дождика... в четверг!

СВЕРХ'ЕСТЕСТВЕННАЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Об анкетах писали много. Однако анкета анкетам ровня. Например, анкета для аптечных работников Башкирии, хотя и не велика,—всего 117 вопросов,—зато всеобъемлюща, проникновенна и заслуживает внимания. Приводим и сколько вопросов, характеризующих как саму анкету, так и ее составителей.

23. Размер жилого помещения: длина, ширина и высота каждой комнаты (без кухни и коридора)

24. Число окон и размер: высота, ширина, форточки есть, нет.

26—29. Состояние стен, потолка, полов, печей.

32. Источники водоснабжения, водопровод, колодец, речка, озеро, ключ, расстояние от квартиры.

34. Спальный инвентарь: матрасы, количество их, кровати какие, и количество, матрацы и пр.

43. Насекомые в квартире есть и какие.

47. Состояние обуви.

77. Игра в карты: азартная игра, нет, какая, как часто.

87. Перечислить все болезни перенесенные в детстве и в настоящее время.

94. Взаимоотношения с местными властями, хорошие и если плохие, то почему.

99. Почему пошли в аптеку.

100. Любите ли свое дело.

104. Занимался ли оанизмом, с какого возраста.

105. Половая способность.

106. Отразилась ли первая половая связь на дальнейшем укладе жизни и в чем выразилась.

108. Болел ли триппером, когда и от кого заразился.

117. Чем больше всего интересуетесь в текущей жизни.

Мы уверены, что на последний вопрос все аптекари Башкирии ответят так: «Интересуюсь, какой это дурак составил такую анкету».

ЗАНЯТЫЕ ЛЮДИ

Тверское отделение МОПР'а пишет Минводскому райкому такое отношение от 25 июня:

ТОК МОПР предлагает в следующий раз на ваших бумагах ставить исходящий номер слева внизу в середине, а не справа сверху.

Ответственный секретарь **АВЕРКИНА.**
Бухгалтер **РУНОВ.**

А все еще говорят, что Аверкиной и Рунову делать нечего! Нашли же, вот, работу!

ЖЕНА СЕРДЮЧЕНКОВА

Молодой, недавно женившийся слесарь, Степан Сердюченков, волновался и краснел до самых корней своих красно-рыжих волос, убеждая жену. Даже веснушки растаяли в красноте и на лбу засветились капельки пота.

— Пойми-же,—говорил жене Сердюченков,—я записался в клуб не для пустых развлечений. Там, понимаешь—нет, кружки... и технического и радио... И я, как слесарь, должен быть на высоте своего... презрения... Понимаешь? Я должен...

— Ну! Заладила сорока Якова—одно про всякого! Я должен, да я должен! А я вот тоже должна в лавочку за колбасу! Ну? Не знаю, зачем поднимать старые раны? Нарочно мне душу на клубок наматываешь!

— Я же хочу объяснить тебе...

— Объяснял уж! Довольно! Иди другим объясняй! Покуда ты был холостой ты мог шататься, куда тебе угодно—и по клубам и по пивным и... вообще! А теперь я тебе заявляю: пока я твоя жена—в клубе тебе не бывать! Понял?

— Да почему? В чем дело-то? Ведь я не мешаю тебе заниматься религиозными предрассудками? Молилась—и молись, сколько влезет!

— Предрассудки тут не при чем! Ты отлично знаешь! Два раза сходила в церковь—уж и предрассудки! Скажите, пожалуйста!

— Так в чем же дело?

Тут жена Сердюченкова, Анна Алексеевна, дотоле мирно сидевшая у окна, поднялась во всей своей красе. А красую Анну Алексеевну судьба не обидела: пышная, крупная, брови дугой. Не даром Сердюченков два года охаживал ее, прежде чем получить согласие, не даром носился с ней, как с писаной торбой. Но теперь из прекрасных глаз Анны Алексеевны глядела на мужа упрямая женская злоба.

— В чем дело? Ишь, дурачка какого разыгрывает! Должно, в своем клубе и научился! Сто раз ведь долбила, а теперь—в сто первый скажу, коли сам спросился. Кто в твоём клубе там?

— Ну, кто... Члены!

— Ты не верти! Ты мне эти штучки брось! Я тебя не про членов спрашиваю!.. Бабы какие?

— Ну, какие?... Обыкновенные... какие же?

— А-а... Обык-но-вен-ные?! Ну, иди и целуйся со своими обыкновенными! Обык-но-вен-ные! Да ты знаешь, какого они все поведения? К кажным штанам рады прилепиться! Тьфу!

— И хоть бы на людей были всхожи—а то так, ерунда красно-платошная, девчонки! Всякая дрянь стрыженная—господи, согрешила, прости меня грешную!

Степан от волнения начал заикаться:

— Ну-ну, и-ну... это! Нюша! Ты... это! Полегче на поворотах!

— Что-о?

— Я говорю... ты тово... не волнуйся. Сама же говоришь, что они... это... неказисты. И сама же ревнуешь.

— Что-о-о? Я ревную? К ним? К этим?..
 — Ну да! Почему же ты не хочешь, чтобы я ходил в клуб?
 — Потому что не хочу, чтобы хлепхвостка мне в рожу напле-
 вала!
 — Вот и выходит—ревнуешь!
 — Я рев-ну-ю? Слишком много чести! Стану я еще к таким
 ревновать,—что я, кривобокая, что ли, какая? За такие слова—завтра
 же уйду к мамаше! И можешь идти хоть в клуб, хоть в расклуб.
 И целуйся там со своими стрижеными! Я ревную? Скажи, пожалуйста,
 ста, красавчик какой нашелся! Терев рыжий! Ангел конопатый!
 Разговаривать дальше было бесполезно. Степан надвинул кепку
 и вышел, хлопнув дверью. Такие разговоры велись уже не в пер-
 вый раз и всегда Сердюченков решал поступать по-своему, напере-
 кор жене. Доходил до двери клуба, стоял в нерешительности и вдруг
 поворачивал домой, ругая и себя и жену...

Бывают такие тоскливые вечера, когда уходишь из дому и за-
 ходишь к приятелю, но приятеля нет и где он—никто не знает.
 Идешь к другому, к третьему, к четвертому—и везде то же самое. В
 такие вечера лезут в голову самые неприятные мысли и можно чорт-е-
 что сделать.

Такой вечер был у Степана Сердюченкова на второй день после
 вышеописанного разговора. И Степан возвращался домой усталый,
 разбитый и злой.

Дверь долго не отпирали. Степан подумал даже, что жены нет
 дома. Но за дверью что-то звякнуло, и он застучал сильнее. Уж не
 жулики ли орудуют?

— Кто там?
 — Отпирай! Я! Что ты, уснула, что ли?!.
 — А хоть бы и так! Что же мне уж и поспать нельзя?
 — Ну, отпирай же! И без тебя тошно!
 — Ах, вот как! А со мной значит еще тошней? Да?
 — Я тебя спрашиваю,—отопрешь ты—или нет?
 — А вот—не отпру!
 — Нюша! Брось! Довольно! Я сейчас не в себе!
 — А ты приходи в себя!
 — Я... я дверь могу высадить! Отпир-рай!
 — Ну, входи, что ли, клубный работник! Входи уж! И нечего
 глазами вкалывать! Ты не кошка, а я не мышка. Входи, что ли!
 Тут тебя два часа приятель дождался, а он там слоны слоняет!

— Какой приятель?
 В комнате на столе стоял остывший самовар, конфеты, колбаса
 и бутылка наливки. В бутылке осталось на доннышке. Степан вопро-
 сительно уставился на жену:

— Какой приятель?
 — А вот угадай!
 — Ну, брось трепаться-то! Говори, кто?
 — А ты догадайся!
 — Нюша! Я тебя, как муж спрашиваю! Понимаешь?
 — Скажите, какие строгости! Ну, был Балашов... из ячейки!
 — Зачем он приходил?
 — По делу. Насчет клуба все интересовался—почему не ходишь.

Чаем я его поила.
 — Что-ж он говорил?
 — Говорил, что ваш муж такой сознательный, а в клубу не
 работает... Такой обходительный, с пробором и одеколоном пахнет...
 И меня даже в клуб записаться уговаривал.
 — Ну, а ты что?
 — Я ему прямо все рассказала, отчего я тебя в клуб не пу-
 скаю!

— Вот, дура!

— Ничего не дура! Это только ты меня дурой везде выставля-
 ешь,—а он все очень даже понял.

— Что понял?
 — Все понял. И сказал—«Как жаль, как жаль, такая интересная
 женщина—и не в клубу». И даже вздохнул. А потом стал меня
 убеждать.

— В чем убеждать?
 — А вот, чтобы я в клуб вступила и тебя тоже отпустила. Вы,
 говорит, должны разбить семейные предрассудки... Такой симпатич-
 ный!

— Ну, а ты что-же?
 — А я слушала... Все тебя ждали.
 — Ну, и что-ж, убедил он тебя?
 — Ну да, убедил!

И засмеявшись высоким, переливчатым смешком, Анна Алек-
 сеевна забрала со стола какие-то тарелки и убежала с ними на кухню.

Сердюченков сел и задумался:
 — Как же так? Я полгода долбил, уговаривал—и ничего! А этот
 — сразу! Пришел, и пожалуйста! Готово! И почему он не предупредил?
 Вчера вечером виделись... Наливка тут эта... И Нюшка не отпирала
 долго... А теперь на кухню спряталась... Ишь, заливаешься!.. Пожалуй,
 и вправду убедил... ч-чорт длинный!

И вдруг вся кровь ударила Сердюченкову в голову.
 — Нюша! Нюшка!! Иди сюда! Слышишь?
 — Сейчас иду!

Жена влетела со смехом:
 — Ну, что еще? Говори скорей! Некогда! Чего уставился?
 Сердюченков встал:

— Так ты... это... так ты в клуб хочешь записываться?
 — Не знаю. Я посмотрю! Вот завтра там вечер будет какой-то
 танцевальный... Может, и запишусь... А что?

— А то, что... не бывать тебе в клубе! Вот что!
 Жена с деланным изумлением раскрыла глаза и презрительно

скривила губы:
 — Поч-чему это, позвольте вас спросить? Ты же сам все время
 только клубом и бредил! А теперь...

— А теперь я тебе запрещаю! Понимаешь? За-пре-щаю!
 И Сердюченков крепко схватил жену за плечи. Анна Алексее-
 евна вскрикнула:

— Отстань, чорт конопатый! Пусти! Как хочу, так и сделаю!
 Тебе можно в клуб ходить, а мне нельзя? Да?

Сердюченков на минуту опешил. Потом крепко стукнул кула-
 ком по столу:

— Я в клуб при тебе не ходил и... больше не пойду!
 — Напрасно! А я собираюсь!
 — Попробуй!

И дико сверкая глазами, Сердюченков как клещами сжал жену
 злобно и страстно. Анна Алексеевна улыбнулась блаженной улыбкой...

На другой день к Сердюченкову подошел Балашов:
 — Ты что же в клубе-то совсем работать не будешь? Зря,
 брат!

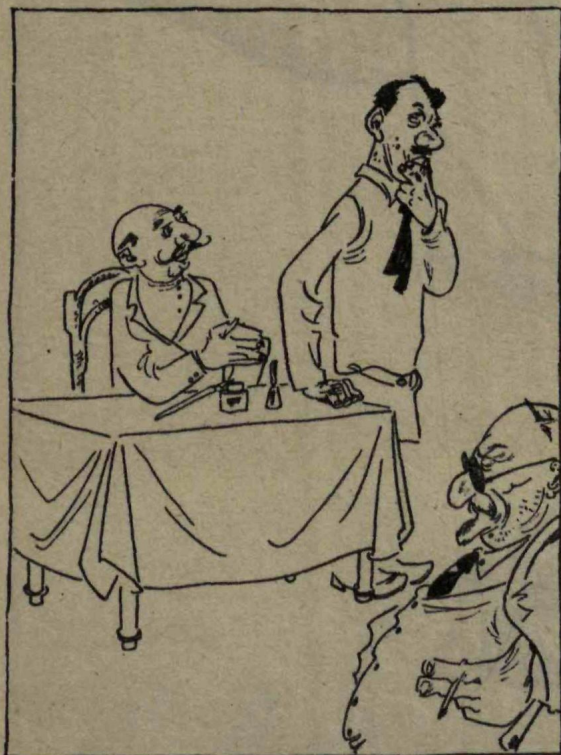
Сердюченков хмуро уставился в землю:
 — Не буду! Надоел ты мне с этим клубом!.. Ты что, и вчера
 за этим заходил? Зря стараешься!

Балашов обиделся:
 — Для тебя же я стараюсь, чорт тебя подери! Ты думаешь—
 мне очень нужно? А вчера я хотел зайти—так жена твоя меня даже
 на порог не пустила! Не понимаю!
 Сердюченков злобно усмехнулся—и не поверил.

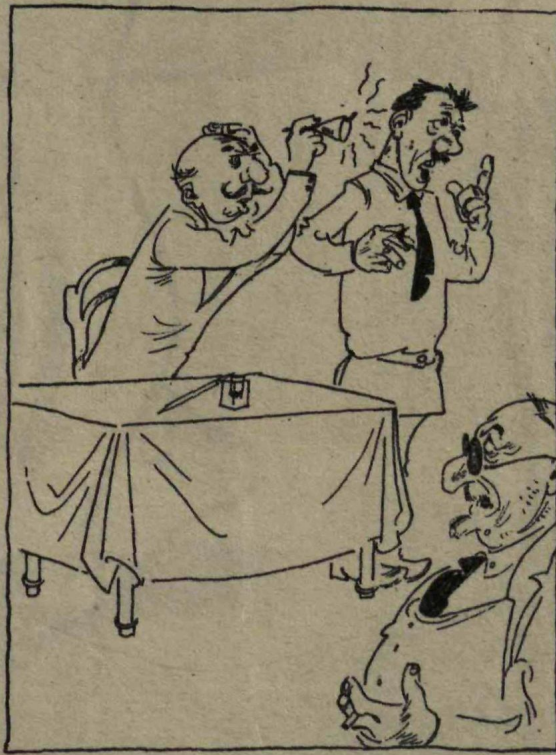
Вас. Лебедев-Кумач.

ДАВШИ СЛОВО—ДЕРЖИ!

Рис. К. Ротова

1. Дал слово (оратору)...

2. Не сдержал во-время.

3. За что и поплатился...

Рис. Ю. Ганфа

УЧИТЕЛЬ: — Не то, Машенька, приятно, что в море купаемся, а то заманчиво, что в том же самом, в котором Анатолий Васильевич изволили купаться!

ЖЕНА: — Ты же, Васенька, рассказывал, что они в Биаррице были,—разве это на Черном море?

УЧИТЕЛЬ: — А проливы ты забыла? Моря-то соединяются, водица-то общая!